Жизнь после смерти. Посл. Евреям 13:8. Свидетельство. Андрей Беглезов

Примеры в тексте:

1. О женщине, которая родилась 13-го числа.

2. О поездке, в которой произошла авария и Андрей умер.

3. Пример о том, как на автобане случилась авария и автомобиль, и людей в нём рассекло на пополам.

Я хочу вас тоже всех поприветствовать именем Иисуса Христа в нашем собрании, а особенно нашу молодежь. Мы с вами уже стали друзья. И я хочу вам сейчас сказать, всё, что вы там играете, вы мне результаты после служения скажете, да? Чего вы там достигли. Хорошо? Потому что мы же друзья? И все ваши интересные, секретные разговоры я тоже хочу узнать. Вы можете меня потом пригласить. Я хочу знать, о чем вы так очень интересно разговаривали. Ну, мы же друзья, мы же можем знать друг друга секреты.

Хорошо! Дорогие мои, мы с друзьями договорились. Мы после служения с ними по-дружески поговорим.

Хочу вместе с вами остановиться на Слове Божьем. Все дни мы говорили с вами об этих

прекрасных словах, которые сопровождали нас всю эту конференцию. И это тема "Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки тот же". И я уже говорил все эти дни, что в моей жизни нет ничего лучшего, о чем я с удовольствием говорю - это об Иисусе Христе, потому что Он мой Спаситель, Он мой Господь. И я верю, что Он ваш Спаситель. И если не ваш Спаситель, то сегодня, по крайней мере, станет вашим Спасителем. Знаете, но что мне особо в этом стихе или в этой теме тоже нравится? Нам даже уже сюда высветили, я вчера братьям говорил, это хорошо, что вы высвечиваете сюда текст, но это делает нас такими ленивыми, мы не хотим потом Библии носить с собой. Поэтому, дорогие мои, молодежь, уже я смотрю, у многих Библии есть. Ну-ка поднимите свои Библии, кто принёс свою Библию? И ещё не все, да? А теперь взрослые, кто принёс свои Библии? Это о чём-то говорит, Константин! Через месяц надо другую конференцию делать. Только теперь не для них, а для взрослых. Так что Библии носите с собой! В нашей Церкви я всегда требую. Как требую? Я не могу заставить человека, конечно, но я каждое воскресенье спрашиваю. И все носят. И мы не высвечиваем, чтобы мы не ленились. Чтобы мы свои Библии открывали и читали в своих Библиях. Так что носите Библии с собой. Ещё лучше, когда у вас есть ручка и тетрадка, и вы основные мысли можете записывать.

Возвращаемся к этому стиху, к нашей теме. И что мне особо ещё нравится в этой теме, так это город, улица и номер дома. Это Евреем 13:8. И знаете, что интересно? Почему это нравится мне? Что оно написано в 13 главе. Число 13 сегодня не популярно. Согласитесь? А если это 13 выпадает еще на пятницу, ну вообще катастрофа.

И знаете, я в своё время задумывался над тем, почему и кто придумал число 13 несчастным. Вы никогда не думали? Я начал задумываться, ну почему число 13 несчастное? И многие стараются избежать этого числа. И знаете, я нашёл. Знаете где? И опять же в Библии. Знаете почему и как? Дело в том, что самые большие обетования... Друзья мои, вы знаете, что такое обетования? Нет? Толкую, объясняю. Обетование – это самые большие обещания, которые нам дал Господь. Это обетование. Слово обетование – это обещание. **Самые большие обетования, которые оставлены нам на страницах Библии, сокрыты либо в 13-м стихе, либо в 13-й главе.** Вы никогда не думали? А я нашёл. Так что с сегодняшнего дня главу за главой домашнее задание – читать Библию. И, знаете, когда это открылось мне, я понял, что число 13 придумал дьявол. Чтобы мы, люди, не только христиане, а вообще люди, не пользовались этими обещаниями, этими обетованиями. И мне это понравилось. И мы сегодня тоже читаем из 13 главы. Знаете, у нас там в Германии меня однажды пригласили на одну евангелизацию. Мы русские, такие непредвиденные люди. И мне в пятницу вечером звонят и говорят, это еще 180 километров от нас севернее, звонят и говорят: "Андрей! У нас в воскресение евангелизация". Представьте, это в 11 часов вечера, в пятницу. И говорят, что в воскресение, евангелизация. И ты же будешь у нас? У меня глаза на лоб. Я говорю: - Подождите, как? В воскресенье на евангелизацию у вас?

- Ну да, мы уже пригласительный раздали, уже афиши расклеили, уже людей пригласили.

У меня дыхание спёрло. В воскресенье на евангелизацию? Я говорю:

- Подождите, а как вы это решили?

- Ну мы помолились...

И вот знаете, как сегодня брат говорил из Денвера здесь: "Господь смотрит!" Но хорошо, Господь

усмотрит, но у нас тоже есть голова на плечах и нам тоже нужно что-то и я знаю, что Костя не так все отдавал в руки Божии, он что-то тоже делал. Я говорю:

- Ну хорошо, а если бы я уехал?

- Мы молились, чтобы ты не уехал.

- Но у меня есть тоже Церковь и мне нужно решить, чтобы кто-то остался в Церкви. - - Мы тоже об этом молились, чтобы все решилось.

Я, конечно, был в шоке, и у меня первая такая реакция была, ну недовольство: "Я не поеду! Вот теперь, раз решили, пусть сами и выбирается!"

Я провёл ночь в молитве и просто получил от Господа, что надо ехать. Я перезвонил быстро утром в субботу, братьям поговорил с ними, чтобы они провели служение. И рано утром в воскресенье я поехал туда на служение. И когда я приехал туда и по дороге уже ехал, и думал: "Господи! На какую тему говорить? Что здесь людям сказать?" И мне приходит вот этот же стих. И я не столько цитирую этот стих, сколько говорю о числе 13. То же самое, что я вам сейчас сказал. И в конце, когда закончилось служение, проповедь, заключение, я призывал на покаяние. И люди пришли на покаяние, где-то около 80 человек вышли на покаяние еще. И одна женщина стояла здесь впереди, она плакала, её слёзы текли ручьем по щекам, и она не могла остановиться. Мы уже закончили молиться, благословили этих всех новообращенных. И она подошла ко мне и говорит:

- Можно я с вами поговорю после служения?

- Пожалуйста, конечно!

И когда служение закончилось она подошла ко мне и слёзы всё еще текли у неё по щекам. Она говорит:

- Скажите, пожалуйста, кто вам сказал говорить сегодня о числе 13?

Я немножко растерялся и говорю:

- Господь сказал, если это вас коснулось.

И она начинает рассказывать своё свидетельство. Она говорит:

- Я родилась в неверующей семье ещё в России, и я даже не немка, я по линии мужа приехала, и я родилась 13-го числа. И когда я появилась на свет, и акушер-гинеколог, врач, который принимал эти роды, он сказал маме, что вот сегодня 13-е число, родилась ваша дочь, и она будет несчастная. И мама приняла эти слова в своё сердце. И она часто потом мне говорила не раз, что она склонялась над колыбелью и говорила: "Ой, моя несчастная! Ой, моя несчастная!"

Дорогие мои! Мы сейчас сегодня не будем говорить на эту тему, но духовный мир реален. Мы иногда даже не задумываемся над этим. Я бы очень хотел, возможно, много молодежь с вами говорить, насколько духовный мир реален, что мы даже иногда не оцениваем всех этих пунктов.

О женщине, которая родилась 13-го числа.

И эта женщина продолжает:

- Я росла вот такой, действительно, я была ужасной, я дралась со своими братьями и сёстрами. Я была непослушная, я всё переворачивала, я била в доме всё. У меня всё валилось из рук. Когда повели меня в садик, я неделю походила туда и меня выгнали, сказали родителям, чтобы больше не приводили меня, потому что там в садике я дралась со всеми, я все ужасно творила. И в школу я пошла и со школы меня выгнали. Я поступила в училище, не закончила его, и вот пыталась выйти замуж. У меня пятеро детей и все от разных мужей. И очередной раз я этих детей сдала в приюты, потому что сама не могла с ними справиться. И очередной раз вышла замуж за немца, и мы решили уехать в Германию. И я думал, я поменяю место жительства, и хоть этим немножко поменяю жизнь и всё наладится. Но когда мы приехали в Германию недолго прошло времени и у нас всё пошло по старому кругу. Мы развелись с ним, нажили ребёнка очередного. И он ушёл от меня, и я в такой агонии... Я часто болела с самого детства, и я не знала, что происходит со мной, почему это всё. И когда обращалась к маме с вопросом: "Мама! Почему это всё?", мама говорит, что ты родила с 13-го числа, ты несчастная, и поэтому все несчастья в твоей жизни от этого. И когда мы разошлись с последним мужем, здесь в Германии, я открыла русскую газету, нашла там знахаря и пошла к ней, к этой женщине. Когда зашла только к ней в дом, она посмотрела на меня и говорит: "О! Несчастная пришла!" И она дала мне целый список того, что меня ещё ожидает в моей жизни. Когда я вышла с этим списком из её дома, я сказал: "С меня хватит! Я больше жить не хочу! Всё!" И я взяла прямой курс. Там прямо посреди города протекает река. Я взяла прямой курс на мост, чтобы сброситься вниз и на этом покончить жизнь. **И, идя по дороге на этот мост, она встречает молодых людей, которые раздают пригласительные на нашу евангелизацию... На то евангелизационное служение, на которое я так неожиданно должен был приехать.**

И там я тоже должен был рассказать своё свидетельство, о котором я сейчас тоже с вами поделюсь. И там есть такая пометка внизу (на пригласительном) – автокатастрофа, смерть, жизнь за гробом и возвращение назад. Она просмотрела эту пригласительную и говорит:

- У меня мурашки по спине. Значит, жизнь за гробом существует? Я подумала: "Нет! Наверное я схожу сначала на эту встречу, узнаю, какая жизнь за гробом существует, а потом уже буду принимать какие-то решения". **И вот я пришла на эту евангелизацию и вы здесь говорите о числе 13. Значит, Бог приготовил для меня не проклятие, а благословение?! И мне нужно к Господу идти?! И я сегодня отдала свою жизнь Иисусу.** Я верю, что Господь теперь изменит мою жизнь.

Дорогие мои! Духовный мир реален. И это ещё одно благословение сегодня для нас Послание к Евреем 13 глава:

> 8 Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же.
>
> Послание к Евреям 13 глава — Библия: https://bible.by/syn/65/13/#8

Он не изменился. Мы живём с этим Иисусом. И если ты, мой друг, Его ещё не познал, то у тебя есть, как сегодня было уже не раз сказано, шанс встретиться с Ним. С Иисусом прекрасно.

Я не мыслю своей жизни без Христа. И многие, может быть думают, особенно молодые люди,

этот цивилизованный мир, и это христианство, оно как-то нас сужает, оно как-то ограничивает нас. Я хочу вам сказать, вы глубоко ошибаетесь, значит вы знаете неправильное христианство. Моё христианство даёт мне счастье. Моё христианство даёт мне свободу. Моё христианство даёт мне, действительно, надежду и радость, и счастье. И столько непредвиденного в христианской жизни, что это я не смогу сегодня все описать. И вот в такое христианство я приглашаю вас сегодня.

Да, есть трудности, но эти трудности мы проходим со Христом. И это здорово! Не всегда все понятно, что случается в нашей жизни, но Господь никогда не оставляет нас.

Я тоже родился в верующей семье. Папа мой был служителем, хотя это были трудные годы. И со Светой, которая здесь пела, мы земляки. Я тоже с Караганды. И, может быть, есть еще карагандинцы здесь. И было тяжелое время. В 1971 году моих родителей хотели лишить родительских прав за то, что они водили нас на служение. Но папа был таким отъявленным, он воевал за нас и он воевал так, что поехал в Алма-Ату, но не добился, **поехал в Москву и просил аудиенции у Брежнева, конечно до Брежнева его не допустили, но дали ему компетентных лиц, которые оформили ему официальную бумагу, которая разрешала нас, детей, водить на служение. И это распространялось только на нашу семью.**

Я помню, часто в детстве, как мы приходили на служение, и часто приходила милиция, заставляла всех, всю молодежь и детей уходить. Уходить такой возможности не было у нас. Но мы, как патриоты, сидели на первой лавке, и папа доставал им с Библии, потому что это разрешение лежало всегда в Библии, он доставал из Библии эту бумагу и тыкал этой милиции в нос, показывая её. Я думаю, что они, наверное, никогда не читали эту бумагу, но там была такая официальная московская бумага и печать московской, а когда они видели эту московскую печать, всё уже решалось. И мы оставались на служении. Я этим очень гордился, что я вот... Да, я никогда не пил, я никогда не курил, я никогда не матерился, не ругался. Я никогда не уходил в какие-то грехи, которые мир сегодня описывает и, может быть, для нас христиан, особо страшные...

Молодёжь! Я вчера говорил не надо быть таким умным, чтобы обязательно всё попробовать. Не надо быть умным. Я думаю, что на это достаточно надо быть тупым, чтобы всё попробовать насколько это интересно, и и как это можно ощутить. Поэтому пусть Господь благословит вас и поможет вам идти за Господом.

И знаете, вот этим я очень сильно гордился. Конечно, когда наступил момент и папа мой умирал, и буквально за полчаса перед смертью он пригласил нас всех, всю нашу семью, к своей постели. Он понимал, что он уходит в вечность, он болел раком. И он благословлял нас всех. И когда очередь дошла до меня, и когда я подошел к нему, он говорит:

- Андрюша! Я хочу тебя благословить и помолиться, но я хочу тебе сказать одно, что тебе нужен Христос. **Если ты не встретишься с Иисусом лично, мы с тобой больше никогда, никогда не увидимся.**

Он помолился за меня, и через полчаса он ушёл в вечность. Я обиделся на него. На похоронах я даже не плакал. Я в своё сердце допустил жестокость, и я говорил себе: "Как он мог так сказать? Я же такой святой. В чём я должен каяться? Вот если кому-то каяться, то вот тем, которые там на

улице ходят. Вот им надо каяться. А я же такой хороший". Но знаете, эти слова имели силу. И прошло ещё несколько лет, когда я в одном из таких, подобных служений отдал свою жизнь Господу. И я нисколько не жалею. Я ни одного дня, ни одной минуты не пожалел об этом, что я посвятил свою жизнь Господу.

Я делаю прыжок, я не буду подробностей все останавливаться. В 1989-м году я уехал из Караганды в Сибирь. У меня было большое желание потрудиться для Господа. Сделать что-то для Него. И до 2001 года я был в Сибири. В 2001 году, когда мы приехали в Германию, мои друзья, все знакомые, многие приехали ко мне и говорят: "Андрей! Если бы ты ещё в 1988 году приехал бы в Германию, ты бы имел бы намного больше. Ты бы имел бы дом, работу, состояние уже и как-то обжился уже. А теперь мы это все имеем, а ты только начинаешь". И когда смотришь на эти все дома их, и может быть где-то в глубине человеческая зависть закрадывается, что они имеют. Да, может быть по мрамору заезжают к себе во двор. Но как-то находясь в молитве, ко меня пришло такое, и потом я им это сказал. Я говорю:

- Нам рано или поздно придётся уйти с этой земли. И уходя с земли ваши дома и всё, что вы здесь приобрели, вы оставите здесь. Вы не заберете ничего с собой на Небеса. Но то, что я приобрёл в Сибири, я заберу с собой в Небеса. И это самое лучшее состояние, это спасенные души".

Я эти дни много рассказывал, то, что делал Господь, и делает сегодня.

Но теперь я возвращаюсь немножко назад. Когда мы приехали в 1989 году мы включились в евангелизационное служения. Церквей практически не было по области, и мы много-много-много трудились, много ездили, евангелизировали, открывали новые Церкви. В Церкви, в которой я нёс служение тоже, или мы её открыли, новые люди были все из мира. Я, в последствии, жена моя, с которой мы там встретились тоже, и мы там поженились. Мы были единственными в Церкви из верующей семьи. Все остальные люди пришли из мира. И то же самое сегодня в Германии у нас. Это здорово видеть, как люди находят Христа. И мы ездили очень много по Байкалу, вокруг Байкала. И я не знаю, если кто-то был из вас на Байкале, но если не были, съездите. Стоит посмотреть, поездить. Но не просто ради туристов. Нет! Я приглашаю вас на евангелизацию туда съездить. Поездить, просто рассказать людям об Иисусе Христе.

И в одной из таких поездок у нас были уже многие точки, которые открылись. И, конечно, вокруг Байкала не очень просто ездить. Болота очень сильные и летом по суши проехать практически невозможно. Очень тяжело. И можно либо вертолетом, либо катером по Байкалу, но это очень дорогое удовольствие. И мы всегда дожидались зимы, когда все замерзнет, и тогда можно было по Байкалу, прямо по льду пересекать. Я бы мог сейчас много таких историй рассказать, наших поездок, но сегодня не это время.

И в одно из таких поездок. Это было 19 января 1995 года. Это был четверг, когда мы отправились в очередную поездку. Мы хотели посетить три села и три точки. Самая отдаленная была от нас, где-то на 340-350 километров отдаленная от нас. Это поселок Баргузин. Если кого-то это интересует, вы можете на карте посмотреть. Мы хотели в Тургу попасть (Турга — село в Оловяннинском районе Забайкальского края), в Усть-Баргузин и Баргузин. Я попрощался со своей семьей. Тогда у меня было двое детей. И одна из них сегодня со мной, Наташа, помаши

немножко. Это моя дочь, которая приехала сегодня со мной. Ей тогда было 7 месяцев. Она только начинала ходить. И сегодня у нас шестеро детей. И знаете, я хочу вам по секрету сказать, это самые лучшие дети. И самые красивые. Вот я рекламу даю, да?

О поездке, в которой произошла авария и Андрей умер

Мы отправились в очередную поездку, мне 27 лет. Я молодой, молодая семья. Мы ожидали третьего ребенка. Планов? До конца своей жизни. Я не знаю, как у вас, может быть, в вашем календаре вы поставили себе дату смерти? Нет? Никто не поставил? И я тоже нет. У меня в моем календаре не стояла дата смерти. Я уезжал из дома, я прощался со своей семьей, я никогда не думал, не рассчитывал на то, что я могу больше никогда не вернуться домой. Со мной было еще два служителя, и мы выехали в этот путь, к вечеру достигли первой точки, на следующий день, в пятницу, мы достигли следующего села, провели там встречу. И такие встречи ночи напролёт, чуть ли не говоришь, общения, молитвы, беседы, вопросов куча. Мы изнурённые в субботу рано утром выехали на Баргузин. С Усть-Баргузина на Баргузин. Это там где-то 40-50 километров, наверное, расстояние.

В 10 часов там должно было быть служение. Мы приехали туда, нас там они уже ждали. Мы провели служение, потом пообедали вместе, решали ещё некоторые вопросы, которые у них там были, чисто организационные по Церкви. И в 4 часа дня, после обеда, мы... выехали в обратный путь. Это 21 января, это была суббота 1995 года.

Мы договорились так с братьями, что мы будем ехать всю ночь, потому что дорога тяжелая, длинная, и мы уже изрядно уставшие. Мы хотели проехать всю ночь, чтобы утром быть дома на служении. И ещё то, что усложняло наш путь - шёл очень сильный снег. И там, в Сибири, очень сложно бывает, потому что дороги не чистятся, тем более лесные дороги. И там одна колея, которую машины пробивает, и это одна единственная дорога. Если встречная идёт, и... но я сейчас не все в подробностях буду, и очень сложно разъехаться. Я сидел за рулем и братьям сказал: "Братья! Вы располагайтесь, раскладывайтесь, ложитесь спать, потому что ехать всю ночь и спите, сколько я смогу буду ехать, потом поменяемся". Братья, правда, очень быстро уснули. Виктор, который сидел, один из служителей сидел здесь спереди, он разложил сиденье. Сергей лег сзади на сиденье. И мы таким образом ехали. Отъехав от Баргузина, наверное, километров 25-30, мы так потихоньку уже, потому что Баргузин немножко в стороне от Байкала находится. Надо было сначала до Байкала, до Усть-Баргузина доехать, и потом по Байкалу вниз, на юг. Мы проехали эти 25-30 километров, уже потихоньку дорогу шла вниз к Байкалу. Потихоньку начало темнеть, и я в этой снежной пелене увидел, как навстречу ехали два грузовика. Едут и едут, для меня это не новость, я не первый день за рулем. И чтобы разъехаться между собой я съехал на одну колею, то есть колея то одна, но на одну её сторону, одну полосу оставив за собой. И мы потихоньку так продвигались. И когда мы поравнялись с первой машиной, с ней мы разъехались. И когда мы разъехались, от двух машин ветер поднял этот снег, он подлетел в воздух и на пару секунд закрыл весь обзор моей дороги. Я одно помнил, что там позади едет вторая машина и мне нужно быть осторожным. И прежде чем этот снег улегся, произошёл удар. Впоследствии мы узнали, что водитель второго грузовика был пьяный и он просто ехал по дороге, никому не уступая и, понятно, не видя меня. И то, что я был на одной стороне, а он ехал просто по этой колее. И если так взять сверху обзор и посмотреть на машину,

то он зацепил нас одним боком. Он ударил в наше переднее колесо, оторвал его, и вот этот отсек с двигателем и лонжерон сложились, то есть машина сложилась так сразу. От этого удара не только наше колесо отрывает, но и отрывает его передние все колеса. От этого удара нас откидывает, мы разворачиваемся на 360 градусов, нас в воздухе разворачивает, и он ударяет нас второй раз. Уже то, что колеса его улетели туда, к задним колесам и он кабиной нас ударяет, второй раз уже в панель приборов, в мою дверь, сорвал нашу крышу, и панелью приборов и рулём, меня вдавливает в сиденье машины. Впоследствии уже братья говорили, что мои педали оказались под моим сидением.

Когда это всё улеглось, эта снежная пыль, у меня шоковое состояние, я ничего не чувствую, никакой боли ещё, потому что шок... Но сознание работает, и первая моя реакция, когда всё улеглось, всё стало опять тихо, что с моими братьями? Я поворачиваюсь в сторону, Виктор, он подскакивает, и я смотрю, как он пытается открыть дверь. Она заклинила, и он ногой ударяет, она с шумом открывается, он выпрыгнул на улицу, думаю: "Ну раз выпрыгнул, значит живой". Я поворачиваюсь назад, Сергея нет. Куда он делся? Он лежал на сиденье и от удара он слетел между сиденьями. Я смотрю, как он за пассажирское переднее кресло схватился руками и потихоньку подтягивает свою голову, то есть поднимается. Я увидел, как по лбу его текла струйка крови. По всей видимости, осколком от лобового стекла. Здесь открывается задняя дверь, и Виктор хватает за плечи, вытаскивает его и ставит его в снег. А то, что мы слетели с дороги, и снег глубокий, и он так по пояс провалился. И у Виктора сразу мысль: "Наверное, ноги сломаны". Он его хватает опять за плечи и вверх поднимает, а Сергей в воздухе ногами болтает и кричит: "Да целый, целый я!" Они рассмеялись, и он его опять в эти же дырки туда засунул в снег. И они начали смеяться. Думаю: "Ну раз смеются, значит живые. Значит мне надо теперь отсюда выбираться." На свою сторону я не выберу, здесь всё вмято. Мне надо на ту сторону выбираться. И когда я пошевелился, моя левая нога повисла в воздухе. Она была здесь, вверху, в бедре сломана. Я понял, что я сам не выберусь, я говорю:

- Виктор! Вытащите меня отсюда, я сам не смогу, у меня нога сломанная.

Они расстелили мою шубу на снегу. Как они меня оттуда вытащили, я не знаю. Я был в сознании, но я не помню. Они положили меня на шубу, прикрыли немножко и начали молиться. Они начали молиться. Здесь должно было опять произойти чудо. Мы эти дни так много говорили о чудесах, но здесь мы в тайге. Представьте, темнеет. Здесь нет ни телефонов, ни мобильных телефонов, ничего. Суббота вечер, и следующая машина может в понедельник утром только прийти. У нас нет ничего и мы могли просто замерзнуть. Здесь нужно было чудо, чтобы приехала очередная машина попутная, чтобы нас забрали отсюда всех. И они начали молиться. И правда, потом братья говорили, что это действительно произошло. Ехала следующая очередная машина в направлении туда, в Баргузин. Она остановилась. И Виктор сел, меня погрузили, и мы поехали. Сергей остался на месте происшествия, потому что Виктор сказал, что он сообщит в посёлке, чтобы отправить сюда на место происшествия людей или милицию. И по дороге, когда мы начали продвигаться обратно на этой грузовой машине, шок начал потихоньку отходить и я начал задыхаться. Я говорю:

- Виктор! Молись, чтобы я хотя бы сознание не потерял, потому что так тяжело дышать, у меня воздуха не хватает.

Когда мы приехали в больницу, меня занесли в приемный покой на носилках, положили на каталку, и медсестры обступили меня и говорят:

- Мы ничего не будем делать, потому что врачей нет в больнице, они все дома.

Благо, что скорость помощь стояла здесь, и она сразу поехала за врачом. Начинало темнеть в моих глазах, я начал потихоньку терять сознание. Я это понимал, потому что разум работал, что я теряю сознание. Глаза закрыты были, и я так далеко-далеко уже услышал, как хлопнула дверь. В последствии я понял, что это был врач. Он забежал и так одетый, по-сибирски, в шапке, в шубе. Он подбежал ко мне и, не раздеваясь, сразу склонился надо мной, и одной рукой он сразу взял пульс. Второй рукой он начал открывать мои глаза, желая проверить, наверное, жив ли я еще. И если бы, наверное, он стоял, я бы уже, наверное, не слышал. Но то, что он так низко наклоненный надо мной был, он резко повернул голову в сторону и говорит медсестрам:

- Пульса нет! Я не могу ничего прощупать, измерьте давления.

По его реакции я понял и после тоже, что уже и это не могли определить. Он вскочил и я единственное, что еще услышал, он начал кричать что-то. Что он там кричал, говорил, я не разобрался. Медсёстры подхватили эту каталку и побежали так по коридору вместе со мной в операционную. Больница трехэтажная, на второй этаж нужно было еще подняться. И вот этот цокот каблучков их, как они бежали по коридору, было последнее, что я слышал, и я потерял сознание.

Дорогие мои! Мы с вами сейчас перенесём тебя туда в операционный зал. То, что я буду вам рассказывать, это по бумагам моим уже истории болезни, рассказам врачей-очевидцев, те, которые это уже потом рассказывали мне. **Но я хочу вам одно сказать! Дорогие мои! Бог дал нам жизнь на этой земле, чтобы мы приготовились к вечности. Сколько бы она ни длилась, 10 лет, 15 лет, 18, 20, 30, 40 или 80, 90 лет, Бог дал нам жизнь на этой земле, чтобы приготовиться к вечности.**

Когда они меня привезли в операционную, их уже не столько интересовала моя нога, а то, что со мной внутри. Раз пульса нет, значит кровь куда-то уходит, значит что-то внутри. И они меня вскрыли. То есть приготовили к операции, сколько там я был без сознания уже, но они меня вскрыли. То есть я здесь весь расшит. Сегодня шрамы только остались... Они меня вскрыли здесь всего, и когда вскрыли, они пришли в ужас. От того, что меня ударило панелью приборов рулем сюда, под живот и в сиденье машины вдавило, от этого оторвало все внутренности мои, порвало диафрагму, селезёнку, легкие, и все внутренности улетели под сердце. Три литра крови было потеряно, поэтому мне так тяжело было уже дышать, что диафрагма, легкие, порванные были. Они пришли в ужас, потому что в больнице не было другой крови для переливания, резерва крови не было. Они отправили медсестру и она бегала по посёлку из дома в дом ища нужную группу и прося, чтобы кто-то соизволил прийти и сдать кровь, чтобы меня продержать хотя бы до утра или до того времени, пока из города привезут кровь.

Они все эти внутренности мои вытащили, и просто были в ужасе. Они начали вычерпывать эту кровь, процеживать и обратно в мои вены вливать. Врач, которая была там в нашей Церкви, она была депутат городской думы, она впоследствии потом уже руководила всеми событиями. Когда сообщили в город, и она услышала об этом, она сразу позвонила во все инстанции, чтобы обо

всём позаботились. Отправили вертолет, а через полчаса прилетел ещё самолет. Врачи хотели меня обратно перевезти в город, но врачи городские посмотрели и сказали, что его нельзя трогать. Наша сестра из церкви, врач, потом мне рассказывала:

- Андрей! Когда я услышал о том, что тебе вливают эту кровь, у меня волосы дыбом встали. Потому что по-медицински это невозможно, так быстро очистить эту кровь, она отравленная. И по-медицински за несколько секунд остановка сердца. Потому что, если эта отравленная кровь попадет в сердце, сердце остановится.

И по всей видимости они допустили, что сердце именно из-за этого и остановилось. Они начали вливать эту кровь, потому что крови другой не было, медсестра бегала еще в поселке где-то. И моё сердце все слабее и слабее, пока совсем не остановилось. Они поняли, что я мёртвый. Они сложили эти внутренности обратно все, закрыли меня на четыре шва или по-медицински на четыре скобки. Я всегда говорю, я теперь тоже чуть-чуть медик уже, уже некоторые термины знаю. На четыре скобки закрыли меня, переложили на каталку, закрыли простынёй, выкатили меня в определенную комнату, там я должен был два часа отлежаться ещё и потом в морг.

Дорогие мои! Так остановилась моя жизнь на этой земле. И я хочу вам сказать, дорогие мои, я не рассчитывал, как я уже в начале сказал, не рассчитывал о том, что моя жизнь может остановиться, но моя жизнь остановилась. Мы никто не застрахованы от смерти. и мы должны будем уйти с этой земли.

Мой дядя, который давно уже в вечности, он всегда говорил, может быть кто-то это выражение слышал, **что старые они должны умереть, а молодые могут умереть.**

Бог дал нам эту жизнь, чтобы мы приготовились к вечности. И я хочу вам сказать, дорогие мои, хотим мы в это верить или не хотим! Может быть, посетили нас сомнения уже в том, что за гробом жизни не существует. Я хочу вас сегодня разочаровать. Это было бы просто, если бы её не было. Но она реальна. Так же, как мы сегодня с вами здесь реальны. Там есть жизнь за гробом, и она реальна. И мы будем жить.

Когда я летел в одной очередной поездке в самолете, и во время полета я так молился, не в этой поездке сейчас, и я так молился, и, знаете, пришло такое откровение. Откровение просто пришло. Если бы я сейчас, сидя в самолете, нажал бы на кнопку вызова стюардессы, и стюардесса пришла бы, и я сказал бы: "Извините..." К примеру, возьмём самолет летит в Америку и я ей бы сказал: "Вы извините, мне нужно на Сибирь!" Вот какая её бы реакция была? Мне об одной реакции уже сказали. Они бы подумали, что ты террорист. Но другая реакция, наверное, она бы растерялась наверняка. И я думаю, что мы все это понимаем. И в смущении бы, наверное, сказала: "Извините! Но об этом вам надо было бы позаботиться на земле. Здесь, в воздухе, мы летим уже только туда, куда самолёт летит."

Это пришло просто откровение мне, и это открылось мне о том, что так будет и в вечности. Многие рассчитывают на то, что "**я умру, и там, когда я буду мёртвый, кто-то сможет меня отмолить, мои грехи или меня сможет отмолить туда, чтобы я пришёл в вечность**". Дорогие мои! Бесполезно! Там мы пойдём **только туда, где, куда мы приобрели билет здесь на земле**. И мы пойдём.

Давайте мы вернёмся, вернёмся только не к моему телу, они его выкатили, и всё равно им уже больше никто не интересовался. Но в момент, где мое сердце остановилось, дорогие мои, я хочу вам сказать, что жизнь существует.

Когда моё сердце остановилось, я почувствовал, что я вышел из своего тела. Это было настолько реально, как будто я вышел просто из комнаты. Я не чувствовал, что я мёртвый. Я вышел из своего тела, и я начал подниматься наверх. Как я уже сказал, больница трехэтажная, я на втором этаже. Я дошёл до потолка, я прошёл через него, и он мне не мешал. Я прошёл через крышу третьего этажа, через крышу больницы, ничего мне не мешало. И я в один момент оказался над больницей, и я сверху увидел своё тело. Опять же, никакие стены мне мешали, и я увидел своё тело на операционном столе. Я увидел, как врачи пытались что-то сделать, искусственное дыхание, массаж сердца, электрошок. И смотря на эту картину, я так подумал: "Зачем это всё? Я не хочу назад. Здесь так хорошо, мне так легко, у меня ничего не болит. Я не хочу назад!"

И когда я так размышлял, меня мысли эти постигли, что я не хочу назад, я вдруг слышу пение. Знаете, дорогие мои, я не смогу передать. Я не смогу сегодня передать, что это за пение, но оно прекрасное. Это Небо поёт. Мы это услышим. Это прекрасно. И это пение шло со всех сторон сверху, снизу, справа, слева, спереди, сзади. Я оторвал свой взгляд от своего тела, и я начал искать, кто же теперь здесь поёт. Я посмотрел так вперёд, и я увидел большую толпу людей. То есть пение шло из других концов, но и эти, которые шли мне навстречу в белых, блистающих одеждах, они шли мне навстречу, и они шли все ближе и ближе, и они тоже пели. И когда они подошли, вот так, как вы здесь первый ряд сидите, настолько близко ко мне, из этой толпы отсоединяется молодая девушка, она подходит ко мне, берёт меня за руку, и я её вдруг узнаю. Это была девушка из нашей Церкви, которую мы похоронили за 2 месяца перед моей аварией. Аня Токарева болела белокровием, 17 лет ей было, и в конце ноября 1994 года мы её похоронили, а в 1995 году, в конце января, случается моя авария. И я её узнаю! Она такая сияющая! Она подходит ко мне, берет меня за руку... И в этот момент, когда она берёт меня за руку, наступает тишина, все перестают петь. И она говорит:

- Андрей, ты тоже здесь?

- Да.

- Как это прекрасно!

И здесь наш разговор прерывается и опять начинают все петь.

Дорогие мои! Такое чувство было, как будто все Небо пришло меня встречать. Если мы останемся верными Господу, и мы однажды туда придём, это будет самая прекрасная встреча. Нам не будут стелить красных ковров. Мы пройдём по золотым улицам города, небесного Иерусалима. И сам Иисус, Он придёт нас встречать. Это было прекрасно. Они опять начинают все петь. И следующий момент я над нашим городом. Там нет больше времени, нет расстояния, это вечность. И я над нашим городом. Я остановился на доме, где это Аня жила. Её мама до сих пор сегодня ещё живёт там. Девятиэтажный дом, на седьмом этаже. И опять я сверху вижу всё, что происходит в квартире. Стены мне не мешают. Я потом Наташи описывал, Наташа зовут маму этой Ани, я ей потом описывал это всё, что я там видел, и она сидела в одном из кресел в зале, облокотив свою голову на колени и плакала. Я видел, как слёзы капали из её глаз прямо на пол.

И смотря на эту картину, в таком недоумении, я вдруг слышу голос. И голос, который пронзал вселенную. Я сразу понял, что это теперь Бог говорит. Там не надо было объяснений. Это всё ясно и понятно, это вечность. И голос был властный, строгий, но чувствовалась любовь. И от Него невозможно было скрыться нигде, ни там, ни здесь на земле, ни под землёй. И Он начал задавать мне вопросы.

Многие часто говорят: **"Если я туда приду, то я уж найду, что там ответить!" Я хочу вам сказать, дорогие мои, это будет самая последняя глупость, которую вы ещё сделаете. Не сможете, это будет бесполезно. Там мы будем стоять перед праведным Богом.**

Он начал задавать мне вопросы. Ни на один из них я не ответил.

Первый вопрос был:

- Что она делает?

Я растерялся, ну казалось, здесь все так ясно и понятно, и говорю:

- Господи! Она плачет!

И второй вопрос был:

- Зачем?

Я промолчал, я не нашёл ответа.

Третий вопрос был:

- Неужели вам больше делать нечего, как сидеть и плакать?

Я тоже промолчал, я не находил ответа. И Он продолжал говорить и сказал:

- Я хочу тебе что-то показать сейчас! Посмотри!

Я оторвал взгляд от этого дома, от этой квартиры, я поднял свой взор и увидел весь наш город, около 450 тысяч жителей. И я увидел его так под собой. Большая широкая дорога, которая начиналась прямо с города, она поднималась над городом, шла поверх города, поворачивала влево и пропадала за горизонтом.

- Посмотри на эту дорогу!

И когда я посмотрел на эту дорогу, она была забита людьми. Казалось, что если бы еще кто-то один захотел бы поместиться на эту дорогу, ему пришлось бы расталкивать всех остальных. Настолько она была забита. И опять вопрос:

- Ты знаешь, куда ведёт эта дорога?

О, здесь был ответ у меня. Я говорю:

- Господи, знаю, эта дорога ведет в ад!

- Посмотри ещё.

И он показал мне ещё раз на этот город. Я увидел ещё одну дорогу, которая тоже начиналась с города, но она была узкой. Она тоже начиналась в городе, поднималась над городом, не шла, правда, вдоль города, а уходила так вправо, всё выше-выше, и уходила под облака.

- Посмотри на эту дорогу!

Когда я посмотрел на эту дорогу, я увидел там тоже людей, я их не считал. Но я думаю, что если не пальцев, то цифр, наверное, хватило мне бы их пересчитать. Так мало их было. И опять вопрос:

- Ты знаешь, куда ведет эта дорога?

- Господи! Знаю! Эта дорога ведёт к Тебе в Небеса.

И он продолжал. Он сказал:

- Твоя миссия на этой земле не закончена. Ты пойдёшь обратно. Я продлеваю дни твоей жизни. И твоя задача будет с этой широкой дороги, на эту узкую дорогу вести людей. Знай, что время коротко. Настолько, насколько ты даже не знаешь. Используй это время!

Это были последние слова, которые Он сказал. Момент, и я опять в своём теле. Я открываю глаза, всё темно. Я накрыт простыню. Я не пойму, что со мной, где я. Память начала быстро возвращаться ко мне. И здесь вдруг кто-то откидывает простынь с моей головы. И это был врач. Представьте его состояние. Прошло около пяти часов. Он в страхе просто убежал. Через пару минут или секунд, не знаю, прибежали медсестры с носилками и побежали со мной обратно в операционную. Они сделали мне укол наркоза в левую руку, это я уже чувствовал. Это так быстро все делалось, они даже ширму перед моими глазами не закрыли. И прежде чем я уснул под этим наркозом, я увидел, как они меня опять вскрывают. Они разрезали эти нитки все. Я уснул под наркозом. К тому времени нашли кровь у женщины, которую положили рядом со мной, прямое переливание из вены в вену. И потом, когда это сделали, здесь начали наводить порядок, им пришлось очень много органов выбросить. Ободочная кишка, большой сальник, селезёнка, желудок, диафрагму зашить. Всё это нужно было убрать, всё это было порвано, непригодно больше к дальнейшему существованию. Они это всё когда сделали, эта операция закончилась, меня отправили в реанимацию. В понедельник утром приехала моя жена. Её провели в кабинет врача, и врач сказал:

- Мы сейчас вас запустим туда, вы его увидите. В принципе, мы туда никого не пускаем, но вас запустим, потому что ваш муж жить не будет. Мы слишком много выбросили органов, и такие люди не живут. И для вас, возможно, это будут последние часы или дни совместной жизни на этой земле. Пожалуйста, там не плачьте. Вы молодая, у вас есть дети, и вам нужно жить дальше.

Конечно, там в кабинете врача, она расплакалась, потом успокоилась, она пришла ко мне, она говорила потом уже:

- Андрей! Я много рассчитывала увидеть, но то, что я увидела было превыше всех моих представлений. Это было ужасно.

Я хочу сказать, имея возможность. Дорогие сёстры! Дорогие жёны! Бог вам дал прекрасную

миссию на этой земле - украсить ваши семьи. И вы можете это сделать, потому что это Бог дал вам. Конечно, совместно мы можем что-то сделать, но вам что-то особое дал Бог. И поэтому двигайтесь дальше в Господе. Мне Бог дал прекрасную жену.

Будучи беременной, в таком состоянии, она сидела полтора месяца у моей кровати день и ночь, не смыкая может быть ночами глаз, переживая за меня, что со мной будет дальше. **И я всегда говорю, если я однажды приду в Небеса и будут даны награды, я свою награду отдам своей жене, она это заслужила.** Это подарок для меня. Она сегодня стоит в моем служении вместе со мной. И это благословение. И вот полтора месяца, две недели реанимации, борьбы за жизнь и смерть, никто не знает, буду ли я жить или нет. Но я знаю, что я буду жить, потому что Бог мне это сказал.

Через две недели меня привели в палату, и уже не столько из-за моих внутренностей, сколько из-за моей ноги, на вытяжке, что кости вставляли, потом в гипс и домой. Ещё месяц в гипсе дома, и 1 июня, через 4 месяца после моей аварии, я своими ногами пришёл опять на служение. Я заступил опять на служение. Врачи приходили посмотреть. Они не верили. **Они говорили: "Это невозможно!"** Но я живу.

В 1996-м году пошли осложнения, и меня отправляют в Санкт-Петербург. Я лежал в правительственной больнице. Конечно, это тоже не так случайно, потому что это друзья мои отсюда с Америки ходатайствовали, заплатили большие деньги туда, чтобы они меня там приняли. Там по пропускам и члены правительство России лежат там.

Я лежал в палате с заместителем мэра города Санкт-Петербурга в одной палате. Хирург, который меня принимал в приемном покое, потом и медсестры сказали, он старенький, я не знаю, жив ли он сегодня ещё или нет, он когда-то оперировал Брежнева. То есть это были лучшие врачи бывшего Советского Союза. И этот врач, когда он прочитал историю моей болезни, он посмотрел так на меня из-под очков и говорит:

- Если бы я прочитал эти бумаги не видя вас я сразу бы сказал, что этого человека нет в живых. Такие люди, как вы, не живут. Если это вы, то благодарите Бога, что вы вообще живы, а вы ещё и здоровым хотите быть!

Я говорю:

- Ну знаете, если я живой, значит и здоровым хочу быть.

Это было время благословения там в больнице. Многие пути нам непонятны, когда мы попадаем в них. Но впоследствии, когда ты проходишь через них, ты можешь смело, как Давид, сказать: «ноги мои прошли по прекрасным местам». Хотя и тяжело.

Дорогие мои! Я живу. Я живу и я хочу говорить всем, что Бог реален. Я хочу говорить везде, где я бываю, что жизнь за гробом существует. Есть рай и ад, дорогие мои, и это реально. Хотим мы в это верить или не хотим - это реально, и оно существует. И мы куда-то идём. Мой друг! Ты куда-то идёшь.

Мы сейчас будем заканчивать, мы будем молиться. И я хочу закончить молитвой вместе с вами. Но это будет молитва особенная, потому что это моё задание. Я остаюсь на этом. Бог мне это

сказал, с этой широкой дороги вести на эту узкую дорогу людей. Я хочу тебе сегодня, мой друг, задать вопрос:

- На какой дороге ты сегодня находишься?

Только будь сейчас честен перед собой, не передо мной, не перед нами, перед собой и Богом.

- На какой дороге ты находишься? На какой-то определенной дороге ты (все-таки) находишься сегодня? Но на какой? Если ты сегодня ещё не на этом узком пути, я приглашаю, пойдём. Пойдем на этот узкий путь. Оставь этот широкий путь. Не иди дальше! Опасно! Слишком рискованно идти так дальше, потому что твоя жизнь может оборваться сегодня.

Еще один вопрос я хочу тебе, мой друг, задать:

- Если твоё сердце сейчас остановится, где ты будешь? Только честно. Где ты сейчас будешь? Если сейчас твоё сердце остановится? Где-то ты будешь, и я где-то буду. Но где?

Один человек мне сказал:

- Ну, об этом я узнаю, когда я приду туда. Там я узнаю, где я буду вечность проводить.

Я сказал:

- Друг мой! Тебе будет поздно там узнавать. Там ты будешь уже определён, куда ты пойдёшь. Тебе нужно сейчас знать, куда ты пойдёшь, если твоё сердце сейчас остановится.

И если ты, мой друг, мой брат и сестра, сегодня не имеешь этой уверенности ещё, что ты будешь в Небесах с Иисусом Христом, то сегодня есть время решиться. Я приглашаю тебя, оставь, оставь этот путь, оставь этот путь широкий, пойдём со мной, пойдем с многими тысячами, которые оставили этот путь и пришли на этот узкий путь, оставили этот широкий путь. Сегодня время для тебя.

Ещё один пример, короткий совершенно, и мы будем молиться. Я думаю, что кто-нибудь сможет нас сопроводить музыкой.

Пример о том, как на автобане случилась авария

и автомобиль, и людей в нём рассекло на пополам

Это было несколько лет назад, буквально сейчас уже в Германии. Я был в одной конференции тоже. Мы засиделись допоздна. И было где-то уже полдвенадцатого ночи. Я выехал на автобан, как у нас это называется. Это была суббота, вечер. И автобан был довольно-таки пустой уже. Я этому был, конечно, рад, что я могу смелее и быстрее ехать. И многие из вас, возможно, знают, что Германия — это ещё одна такая единственная, наверное, страна в мире, где на автобане ты можешь ехать столько, сколько машина тянет. То есть нет ограничений, сколько тянет мотор, столько ты можешь ехать. Конечно, для многих это роковое (разрешение), и нельзя этим злоупотреблять. В крайних случаях я еду 140 км в час, больше я не еду. Крайний случай, если я куда-то очень спешу. То есть нам нужно не злоупотреблять этим всем. Я выехал на автобан. И, наверное, минут 15 проехал, и вдруг в этой ночной темноте я вижу с обоих сторон аварийную сигнализацию. То есть три полосы и аварийная сигнализация с одной и с другой стороны. Я

притормозил, сбросил скорость, подъехал ближе, и стояли уже полицаи. Две машины стояли здесь на левой полосе, под планкой железной. И одна стояла с правой стороны. Средняя полоса еще была свободной и полицаи уже палочкой махали, давая понять, чтобы проезжали, чтобы никто не останавливался. Я ехал очень медленно, но, по всей видимости, после закрыли автобан совсем. Я на такой тихой скорости проехал мимо полицаев, и вдруг я почувствовал, что моя резина как будто приклеивается к асфальту, к дороге. Я включил дальний свет, и увидел дорогу всю залитую кровью. Они, по всей видимости, залетели под планку и она разрезала просто машину, отрезав голову. И так в стороне я увидел, как лежала голова. Это было жутко. По всей видимости это только-только случилось. Конечно, знаете, вот в таком состоянии я поехал потихоньку дальше, набирая скорость, и у меня была одна мысль только: "Думали ли эти люди, заезжая на автобан, что они с него никогда не съедут? Рассчитывали ли эти люди, заезжая на автобан, что с этого автобана дорога идёт вечность?"

Наверное нет, но дорога ушла в вечность.

Дорогие мои, наша дорога сегодня может уйти в вечность, но в какую? В рай или в ад, и они реальны? Я хочу сказать. Мой друг! Я сегодня тебе свидетельствую, что есть рай и ад, и они реальны. Так же как мы сегодня с тобой здесь существуем, так и реален ад и рай, и ты сегодня выбираешь. **И поэтому выбери рай. Выбери узкий путь, который ведёт к Иисусу в Небеса. Пойдём со мной.**

Комментарии
